

Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1781. Т. IV. Ч. I.
Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северо-Восточной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. I.

Irina G. Ponomareva
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

THE ENTOURAGE OF GRAND PRINCE OF MOSCOW VASILY II
AT THE BEGINNING OF HIS REIGN

The article analyzes the situation prevailing at the court of the Grand Prince of Moscow after the beginning of the independent reign of Vasily II. There is news about relevant events. The essence of the article is connected with an attempt to verify the conclusions of L. V. Cherepnin. 1. The entourage of the Grand Prince included new, young people. 2. These changes and the new political course led to a conflict with the old boyars.

Keywords: Vasily II, court of the Grand Prince of Moscow, Grand Principality of Moscow in the first quarter of the 15th century, boyars of Moscow

УДК 217, 281,9, 291,35 ББК 86, 372 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0025

М. Б. Свердлов
Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия. sverdlovmb@mail.ru

К ИЗУЧЕНИЮ ХОР НОВГОРОДСКИХ ХРАМОВ XI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XII в.

Статья посвящена изучению проблемы назначения хор и определению места князя во время богослужения в новгородских храмах XI – первой трети XII в. Эта тема исследована в контексте византийской традиции и ее русской модификации.

Ключевые слова: богослужение, храмы, хоры, князья, византийская традиция, русская модификация

Научный анализ назначения хор и определения места князя во время богослужения в древнерусских храмах стал осуществляться лишь в конце XIX – начале XX в. По мнению Е. Е. Голубинского, на верхних галереях церквей находились только женщины [Голубинский, с. 239–243]. Впрочем, тогда же знаток византийских древностей Д. Ф. Беляев установил, что император в сопровождении синклита отправлялся в Св. Софию, используя переходы Магнавры, одного из зданий Большого дворца. Затем совершалось торжественное шествие до Св. Софии. Там совместно с патриархом император принимал участие в литургическом действе, включавшем его присутствие в алтаре. В южных галереях, нижней и верхней, Св. Софии находилось по мутаторию – помещению, в которых во время литургии император облачался и переоблачался, слушал длительную службу, отдыхал и завтракал. В мутаторий южной галереи он поднимался во время литургии и выходил оттуда только для причастия Св. Тайн. Там император принимал причастие от патриарха или других священников. На южных хорах он находился и в других храмах. Там во время литургии он пребывал невидимо для прочих молящихся, но все видел и слышал. По мнению Д. Ф. Беляева, во время богослужения женщины находились на западной и преимущественно северной галерее [Беляев, 1892, с. 90–145, 209–210; Беляев, 1893, с. 134, 238, 239, 245–246].

Такие наблюдения стали основанием для широко распространенного в советской историографии вывода о нахождении князя во время богослужения на южных хорах в соответствии с его особым социальным и политическим статусом. Впрочем, это мнение излагалось подчас в идеологизированной или вульгаризированной форме. Зарубежные ученые также писали о южной верхней галерее как предназначенной для императора, однако, в соответствии с позитивистскими принципами, только констатируя этот факт.

В постсоветской историографии эти наблюдения стали подвергаться критике. А. А. Голубева повторила мысль о нахождении на хорах только женщин. Она предположила, что князь находился там «в качестве частного лица, а не главы государства», совершая частные службы [Голубева]¹.

Э. А. Гордиенко поддержала мнение С. В. Заграевского, в соответствии с которым хоры расширяли полезную площадь храма для использования в самых разных целях. Она обоснованно сочла невозможным исполнение русским князем византийского церковного ритуала. Поэтому Э. А. Гордиенко предположила существование в русском православном ритуале XI в. древнего обычая стояния князя перед алтарем с дружиной, семьей, многочисленными тогда христианами. Но на южной стороне хор Софии Новгородской находились княжеские палаты, включая мутаторий, откуда князь слушал службу, наблюдая за действием в предалтарном пространстве. На хорах были также помещения для сопровождавших князя духовных чинов, для нужд храма и Новгорода.

По мнению Э. А. Гордиенко, в новгородских княжеских церкви Благовещения на Городище (1103) и Никольском соборе на Ярославовом дворище (1113) князь с семьей и дружиной не могли находиться во время литургии на хорах. Они стояли во время службы у алтаря вместе с народом. Но она допустила, что князь мог оставаться на хорах, когда не ходил к причастию. На хорах Никольского собора могли проходить заседания смесного суда, духовного синклита, помещаться канцелярия князя и книгохранилище [Гордиенко, с. 116–119].

¹ В данной работе и в трудах последующих авторов см. указания значительной научной литературы на данные темы.

С выводами А. А. Голубевой и в меньшей степени Э. А. Гордиенко сложно согласиться, поэтому целесообразно по необходимости кратко продолжить изучение предназначения хор и определения места князя во время богослужения в новгородских храмах, но в общерусском контексте конца X — первой трети XII в.

Под влиянием формирующейся системы церковных обрядов, прежде всего литургии, в Византийской империи развивалась храмовая архитектура. Ее достижения обобщены в купольной базилике Софии Константинопольской (532—537), конструктивной составной частью которой стали двухъярусные галереи по всему периметру храма, кроме алтарной части [Комеч, с. 9—10, 17, 27]. Идея церкви как микрокосма, объединяющего сферы небесную и земную, формировала развитие храмовой архитектуры как крестово-купольной. Такая архитектура, по словам А. И. Комеча, «создала идеальные условия для размещения изображений по вертикальным зонам в соответствии с их сакральной значимостью» [Комеч, с. 35, 52].

Византийское храмовое зодчество выразило идеи сакральной иерархии, а также мирские идеи иерархического социального и политического содержания. В VI в. и в последующие столетия византийский император — глава христианского мира, что символизировано в его регалиях, сложном придворном церемониале, в его участии совместно с константинопольским патриархом в литургии и пребывании на южных хорах Софии Константинопольской.

О значимости присутствия императоров на южных хорах свидетельствуют две мозаики. На одной из них изображен с женой, императрицей Зоей, Константин IX Мономах (1042—1055), дед русского князя Владимира Мономаха. На другой мозаике южных хор изображены Иоанн II Комнин (1118—1143) и его жена Ирина. Эти мозаики имели демонстративно публичный характер. Они свидетельствовали о пребывании императоров на южных хорах во время богослужения и выполнения их светских обязанностей.

Данные наблюдения важны для определения назначения хор и места князя во время богослужения в русских храмах X — первой трети XII в.

Обобщая исследования свои и чужие, А. И. Комеч написал, что при возведении Десятинной церкви (освящена в 996 г.), первого каменного княжеского и митрополичьего храма, была продолжена традиция византийской архитектуры IX в. в виде двухэтажных боковых нефов на всю длину храма, а в качестве особенности княжеского заказа можно отметить желание иметь большие хоры [Комеч, с. 176—177]. На галереи вела лестничная башня [Раппопорт, 1982, с. 7]. Княжеское строительство указывало на особое значение хор. Возведение лестничной башни свидетельствует о переосмыслении князем Владимиром Святославичем и его архитекторами византийского опыта в связи с нахождением на хорах князя и его жены, порфирородной византийской принцессы. К тому же участие русского князя в литургии, подобное императорскому, было невозможно вследствие его статуса в раннесредневековой светской иерархии [Штендер, Сивак, с. 293].

Сохраненная в Софии Киевской (заложена в 1037 г.) византийская традиция развитых хор, храмовые фрески на евхаристические темы свидетельствуют о причастии на хорах князя и его приближенных [Комеч, с. 181, 182, 184]. Новаторским в Софии Киевской стало включение в западную наружную галерею двух лестничных башен для раздельного восхождения на южную и северную галереи [Раппопорт, 1982, с. 12].

На стенах наоса Софии Киевской находилась значительная по размерам ктиторская фреска, ныне частично сохранившаяся, изображавшая Ярослава Мудрого и членов его семьи. Наиболее убедительным представляется мнение, в соответствии с которым на стене южной галереи, где во время богослужения пребывали мужчины, изображены сыновья Ярослава. На сохранившейся фреске северной галереи, где находились женщины, изображены дочери [Высоцкий]. Значимость пребывания князя в киевских соборах — в Св. Богородице и Св. Софии — утверждали хранившиеся там торжественные верхние одеяния Владимира Святославича и Ярослава Мудрого: «порты блаженных первых князьи, еже бяху повѣшали в церквахъ святыхъ на память собѣ»² [Свердлов, с. 364—369, 431—433]. В системе символов эти одеяния «замещали» отсутствовавших князей.

Особое значение южной галереи для князя выразилось в формировании русского обычая княжеского погребения в южной части церкви [Свердлов, с. 496—499]. Эта традиция погребения в южной части храма распространилась позднее на княгинь, иерархов Русской Церкви, местную знать. Древнейший такой некрополь сохранился в Софии Новгородской [Янин]. Продолжена эта традиция в системе погребений членов московской княжеской династии в кремлевском Архангельском соборе и даже императорских погребений XVIII в. в Петропавловском соборе в Петербурге.

Все эти данные свидетельствуют о том, что с принятием христианства на Руси Владимир Святославич и Ярослав Мудрый сохранили византийские традиции особого значения и места главы государства во время богослужения. Но тогда же проявились особенности освоения на Руси иностранного культурного опыта — его переосмысление в соответствии с местными социально-политическими потребностями и культурой. Такой вид его адаптации стал традиционным во всей последующей истории России.

Новгородское храмовое строительство продолжило киевские традиции с определенными особенностями и с ясно выраженными свойствами княжеского заказа [Комеч, с. 134, 236—254; Раппопорт, 1993, с. 38].

² ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 418.

В частности, в Софии Новгородской (заложена в 1045 г.) лестничная башня, которая вела на хоры, по-прежнему была расположена в юго-западной части собора. По ней поднимались на западную галерею второго яруса, а оттуда направлялись внутрь храма [Раппопорт, 1982, с. 65]. Так что присутствие князя во время богослужения, явное или незримое для молящихся мирян, продолжило в Софии Новгородской киевскую традицию.

Княжеские новгородские храмы, церковь Благовещения на Городище (1103) и Никольский собор на Ярославом дворище (1113), были возведены новгородским князем Мстиславом Владимировичем, когда его отец Владимир Мономах последовательно способствовал сохранению политического единства Русского государства в киевское княжение Святополка Изяславича (1093–1113) и в свое собственное княжение в Киеве (1113–1125).

Такая политика вызывала сопротивление новгородского боярства, все более набиравшего экономическое, политическое и социальное влияние, осуществлявшего в Новгороде самоуправство. Владимир Мономах и Мстислав подавляли такие тенденции. Но одновременно они стремились укрепить свои связи с Новгородом, утвердить там авторитет княжеской власти. Учитывая особое значение в Русском государстве первой трети

XII в. ветви Рюриковичей, восходившей к Всеволоду Ярославичу, а также Новгорода, конкретное соотношение их экономических, социальных и политических возможностей, становятся ясны причины и логика новгородского княжеского строительства храмов в это время.

На Городище, крупном торгово-ремесленном и военно-административном поселении, в последней четверти XI в. были возведены княжеская Благовещенская церковь и, по-видимому, новые земляные укрепления [Носов, с. 150–151, 154]. Вероятно, в особых условиях нарастания княжеско-новгородских противоречий на Городище была построена или обновлена княжеская резиденция при сохранении в Новгороде княжеского Ярославова дворища.

В Никольском соборе ясно прослеживается соединение киевской традиции и подражания Софии Новгородской, тогда как планы этого собора и Благовещенской церкви были тождественны [Комеч, с. 298–299, 304–305]. Уже во время раскопок Благовещенской церкви М. К. Каргер установил близость ее майоликовых плиток пола к киевской строительной керамике XI–XII в.³, что также свидетельствует об использовании киевских традиций при ее возведении. Такое соединение киевских традиций и новгородских тенденций соответствовало происхождению княжеской ветви Всеволодовичей и месту применения талантов их архитекторов.

В контексте княжеско-новгородских отношений посвящение обоих храмов имело примирительное содержание. Смысл посвящения церкви Благовещения (весть о будущем рождении Спасителя мира, погрязшего в пороках) являясь в данном случае свидетельством благих намерений князя в отношениях с новгородцами. Посвящение храма св. Николаю, покровителю мореплавания и торговли, на княжеском Ярославом дворище, расположенном на Торговой стороне, указывало на намерения князя к идейному единению с окружающим его торгово-ремесленным населением.

В отличие от прежних посвящений храмов княжеским патрональным святым и высшим символам святости, имевшим общегосударственное значение (Пресвятая Богородица, Святая София, Преображение Господня), посвящение церквей Благовещению и св. Николаю подразумевало их предназначение в равной мере для князей и новгородцев. Однако противоречие между устремлением ввысь княжеских храмов первой трети XII в., утверждавших могущество княжеской власти, и небольшим пространством в них для молящихся свидетельствовало о сохранившихся противоречиях князя и новгородцев. Представляется, что такую обобщенную характеристику можно конкретизировать.

Церковь Благовещения на Городище — крестовокупольный трехапсидный шестистолпный храм с нартексом и лестничной башней на хоры. По внешним обмерам ее длина 22,8 м, ширина (без башни) 15,1 м [Раппопорт, 1982, с. 74]. Но внутреннее пространство для молящихся было существенно меньше общей площади храма, если учесть значительное алтарное пространство до преграды, а также площадь, занимаемую столпами. Алтарная преграда устанавливалась тогда преимущественно по западной грани предалтарных столпов [Чукова, с. 278, 284–285].

Никольский собор — шестистолпный, трехапсидный. Его длина 23,65 м, ширина 15,35 м. Вход на хоры осуществлялся по внешнему переходу из второго этажа княжеских хором через дверь в южной стене храма. Еще в XII в. этот дверной проем был заложен, а в крайнем юго-западном членении здания пробит свод и сделана каменная винтовая лестница на хоры [Раппопорт, 1982, с. 70]. Алтарная часть до преграды, включая солею, составляла более трети всей внутренней длины церкви. Алтарная преграда была расположена во всю ширину [Мильчик, с. 193]. На этой ограниченной площади находятся также четыре столпа, что еще более ограничивало пространство для молящихся. Вход на южные хоры Никольского собора позволил сделать вывод, в соответствии с которым дверь туда являлась частью перехода из княжеского деревянного дворца [Раппопорт, 1993, с. 50].

Таким образом, южные нижняя и верхняя галереи новгородских княжеских храмов середины XI — первой трети XII в. были знаково соотносены с князем и княжеской властью. Этот факт свидетельствует о сохранении в них данной киевской традиции, которая продолжила императорскую традицию Софии Константинопольской. Она по-прежнему утверждала особый социальный, политический и правовой статус князя, значение его государственной власти. В условиях все возрастающего экономического могущества Новгорода и княжеской компромиссной социальной политики Владимир Мономах и его сын Мстислав стремились утвердить в новгородской храмовой

³ Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35, 1966 г. Д. 188. Л. 9.

архитектуре влияние княжеской власти, в посвящении церквей выразить политическую компромиссность, но крайне ограничить число молившихся там новгородцев. Сохранившиеся в Никольском соборе следы перехода из княжеских хором свидетельствуют не только об использовании в нем византийской практики тайных переходов, а также опыта Софии Киевской. Он гарантировал безопасность князя в новых для него новгородских условиях конфронтации с городом, который имел свои социально-экономические, политические и идеологические интересы.

Присутствие князя на южных хорах Никольского собора продолжало утверждать его высший статус над прочими молящимися, включая клир. Князь мог там находиться во время многочисленных церковных служб без причастия. Сведений об участии князя в древнерусском литургическом действе нет, но известно отношение тогда к причастию. В широко распространенном в книжности XII—XVII в. «Златоструе» написано: «Подобаеть всякому... трижды годомъ причащатися, а по нашеи слабости хотя единою лѣтомъ»⁴. То есть должно причащаться хотя бы три раза в году, но не менее одного раза. Так что князь мог только несколько раз в году подходить к причастию в предалтарной части храма, но, следуя византийскому церемониалу, мог также причащаться на хорах от священника.

Таким образом, на Руси был переосмыслен византийский опыт участия в богослужении князя. Особое значение в нем приобрели южные нижняя и верхняя галереи. Основным назначением южных хор стало нахождение там князя, в чем выражался его символически переосмысленный социальный и государственный статус.

В конкретных условиях конца XI — первой трети XII в. церковь Благовещения на Городище и Никольский собор стали символами княжеской власти, стремившейся к компромиссу с Новгородом, но с ограничением его прав. Эти идеи выразились в пропорциях этих храмов и в княжеском нахождении на южных хорах до новгородского восстания 1136 г.

Литература

- Беляев Д. Ф. Ежедневные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св. Софии в IX—X вв. // Записки Русского археологического общества. Новая серия. 1893. Т. VI. Вып. 1 и 2. С.1—277.
- Беляев Д. Ф. BYZANTINA. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб., 1893. Кн. II: Ежедневные воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св. Софии в IX—X в.
- Высоцкий С. А. Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев, 1989.
- Голубева А. А. К вопросу о функциональном назначении полатей (хор) в древнерусском зодчестве: место князя или женская галерея // Архитектура Византии и Древней Руси IX—XII веков. СПб., 2010. (Труды гос. Эрмитажа. Т. 53). С. 335—348.
- Голубинский Е. Е. История русской церкви. 2-е изд., испр. и доп. М., 1904. Т. I. 2-я пол. тома.
- Гордиенко Э. А. Хоры, нартекс, крещальня, придел в системе богослужения и в обиходе православного храма // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2 (68). С. 111—121.
- Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987.
- Мильчик М. И. Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2014.
- Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982.
- Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993.
- Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка и письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2.
- Фомина М. С. Златоструй // СККДР. Л., 1987. Вып. I (XI — первая половина XIV в.).
- Хорошев А. С. Суды новгородские // История и культура IX—XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2009.
- Чукова Т. А. Интерьер в древнерусском храмовом зодчестве конца X — первой трети XIII в. (основные архитектурные элементы по археологическим данным). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1991.
- Чукова Т. А. Алтарные преграды в зодчестве домонгольской Руси // Литургия, архитектура и искусство византийского мира / Под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1995. С. 273—287
- Штендер Г. М., Сивак С. И. Архитектура интерьера новгородского Софийского собора и некоторые вопросы богослужения // Литургия, архитектура и искусство византийского мира / Под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1995. С. 288—297.
- Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988.

Michail B. Sverdlov

St. Petersburg Institute of History, Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

ON THE CHORUS OF THE TEMPLES OF NOVGOROD IN THE 11th TO THE FIRST THIRD OF THE 12th CENTURIES

The article is devoted to exploring the problem of importance of the Chorus and of definition of Russian prince's place in the Divine Service in the temples of Novgorod in the 11th to the first third of the 12th centuries. This problem is studied in the context of Byzantine tradition and of its Russian modification.

Keywords: Divine Service, temples, chorus, princes, Byzantine tradition, Russian modification

⁴ Цит. по: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1493.

